

образование, и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ всеневномъ быту русской жизни. Но вотъ я ъду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая, земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть, дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ, то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнамъ ползаютъ, то щи салными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобной дрянью?... И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не дастъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все то же да то же... и завтра будетъ какъ нынче. Здѣсь станція, а тамъ еще та же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку, а тамъ опять до безконечности все старости, которые просятъ на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василия Ивановича. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Мордасы. Пропали мои впечатлѣнія!" (стр. 88—89).

Бѣдный Иванъ Васильевичъ! Жалкая карикатура на донъ-Кихота! У него голова устроена рѣшительно вверхъ ногами: тамъ, гдѣ земля усѣяна развалинами рыцарскихъ замковъ и готическими соборами, онъ видѣлъ только мельницы и барановъ и спрашивалъ съ ними; а тамъ, гдѣ только мельницы и бараны, онъ ищетъ рыцарей... Въ уѣздномъ городишкѣ онъ спрашивалъ у мужика.

„—А что здѣсь любопытнаго?—Да чему, батюшка, быть любопытному! Кажись, ничего нѣтъ. — „Древнихъ строеній нѣтъ?“ — Никакъ нѣтъ-съ... Да бишь... былъ точно деревянный острогъ, неча сказать, куда не годился... да и тотъ въ прошломъ году сгорѣлъ. — „Давно, видно, былъ построенъ?“ — Нѣтъ-съ, не такъ давно, а лѣсомъ мошеникъ подрядчикъ надудилъ совсѣмъ. Хорошо, что и сгорѣлъ... право-съ — „А много здѣсь живущихъ?“ — Нашей братьи мѣщанъ довольно-съ, а то служащіе только. — „Городничій?“ — Да-съ, извѣстное дѣло городничій, судья, исправникъ и прочіе—весь комплектъ. — „А какъ они время проводятъ?“ — Въ присутствіе ходятъ, пуншты пьютъ, картишками тѣшаются... Да-бишь:—теперь у насъ за городомъ цыганскій таборъ, такъ вотъ они повадятся въ таборъ таскаться. *Словно московскіе баря или купецкіе сынки*. Такой куражъ, что чудо. Судья на скрипкѣ играетъ, Артамонъ Ивановичъ, засѣдатель, отхватываетъ въ присядку; ну, и хмѣльного-то тутъ не занимать... Гуляютъ себѣ да и только. Этакая, знать, нація“ (стр. 90—91).

И вотъ наши путешественники въ таборѣ. Иванъ Васильевичъ прежде всего огорчился, увидѣвъ на цыганкахъ жалкіе европейскіе костюмы; такой чудакъ! Потомъ онъ чуть не заплакалъ съ отчаянія, когда цыганки запѣли не дикую козевую пѣсню,

а русскій водевильный романсъ. Вынувъ изъ галстука золотую булавочку, онъ подарилъ ее красавицѣ Наташѣ, съ тѣмъ, чтобы она ходила въ своемъ національномъ костюмѣ и не пѣла русскихъ пѣсенъ... Больше этого быть путемъ не позволяется чело-вѣку, и сентиментальное, донъ-кихотовское фразерство Ивана Васильевича въ этомъ смѣшномъ поступкѣ дошло до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Что бы онъ могъ еще сдѣлать?—развѣ жениться на Наташѣ, замѣтивъ въ ней какія-нибудь добрыя качества... Но довольно и того, что уже сдѣлалъ онъ, чтобы Наташа смѣялась надъ нимъ цѣлую жизнь...

Зато степная натура Василия Ивановича плавала въ блаженствѣ. Онъ забывалъ и себя, и грозную свою Авдотью Петровну, улыбался, притопывалъ, прищелкивалъ, сыпалъ въ жадную толпу двургривенными и четвертаками и прикрикивалъ: «а вотъ эту пѣсню, а вотъ ту», и т. д. Это для него была истинная итальянская опера, единственная, доступная ему. Въ заключеніе онъ бросилъ цыганамъ десятирублевую ассигнацію... Это называется широкимъ размахомъ русской души, богатирствомъ. Иностранецъ выпьетъ бутылку шампанскаго: русскій одну выпьетъ, а другую выльетъ на полъ; изъ этого нѣкоторые выводятъ такое слѣдствіе, что у людей гнѣущаго Запада мышинья натуры, а у насъ—чисто медвѣжья...

Эпизодъ объ интригѣ мѣщанина съ женой частнаго присава разсказанъ съ неподражаемымъ, истинно художественнымъ совершенствомъ и превосходно заканчивается собою картину жизни уѣзднаго города.

Теперь послушаемъ проповѣдь Ивана Васильевича противъ русской литературы, до которой, какъ и до всякой другой, Василию Ивановичу никакой нужды не было;—это однако жъ не помѣшало его спутнику ораторствовать громко, фразисто, книжно, съ надутымъ восторгомъ и натянутымъ негодованіемъ. Подобно Ивану Александровичу Хлестакову, который безграмотнымъ людямъ объявилъ рѣшительно, что все, что ни пишется и ни издается въ Петербургѣ, все это—его сочиненіе, — Иванъ Васильевичъ такъ же рѣшительно объявилъ безграмотному Василию Ивановичу, что литература теперь вездѣ—торговля и спекуляція, и что «въ Европѣ чистыя чувства задушены пороками и расчетомъ.» Что нужды, что Иванъ Васильевичъ, какъ мы уже видѣли выше, ничему не учился, ничего ни читалъ и—можно побиться о закладъ—понятія не имѣетъ о нравственномъ движеніи и литературѣ современной Европы: ему тѣмъ легче корчить судью грознаго и неумоли-